

На правах рукописи

ЧЕБОТАРЕВ Иван Геннадьевич

**ФАСЦИНАТИВНЫЙ ТИПАЖ «ЮРОДИВЫЙ»
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ**

10.02.19 — теория языка

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград — 2015

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель – *Дмитриева Ольга Александровна*, доктор филологических наук, доцент.

Официальные оппоненты: *Катермина Вероника Викторовна*, доктор филологических наук, профессор (Кубанский государственный университет, профессор кафедры английской филологии);

Щеглова Инна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент (Астраханский государственный технический университет, доцент подготовительного факультета для иностранных граждан).

Ведущая организация – Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Защита состоится 21 мая 2015 г. в 10.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.01 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан 2 апреля 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н.Н. Остринская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данное диссертационное исследование выполнено в русле лингвокультурологии и лингвоперсонологии. **Объектом** изучения является лингвокультурный типаж (ЛКТ) «юродивый». В качестве **предмета** исследования выступают понятийные, образно-перцептивные, ценностные и коммуникативные характеристики данного типажа.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется следующими факторами: 1) теория лингвокультурных типажей активно развивается в последнее десятилетие; 2) юродство представляет собой яркий концепт русской культуры, малоизученный с позиции лингвистики; 3) фасцинативность юродства заключается в отражении ценностных приоритетов русской культуры.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: в ряду лингвокультурных типажей выделяется фасцинативный типаж «юродивый», характеризующийся определенными понятийными, перцептивно-образными, ценностными признаками, коммуникативными характеристиками, отрефлексированными в русской лингвокультуре.

Цель работы заключается в комплексном моделировании лингвокультурного типажа «юродивый».

Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

- 1) выявить место юродства в русской культуре;
- 2) определить конститутивные понятийные признаки ЛКТ «юродивый»;
- 3) осветить образно-перцептивные признаки ЛКТ «юродивый»;
- 4) охарактеризовать ценностные приоритеты данного типажа;
- 5) проанализировать коммуникативное поведение ЛКТ «юродивый»;
- 6) выявить отношение к ЛКТ «юродивый» в русском современном сознании;
- 7) описать пути трансформации ЛКТ «юродивый» в современном русском сознании и его отражение в фольклоре.

Материалом исследования послужили агиографические, публицистические, художественные тексты, Священное Писание, данные словарей и справочников (всего 2876 контекстов), а также данные опроса респондентов (всего 685 человек). Единицей анализа является контекст, содержащий описание ЛКТ «юродивый».

В работе использовались следующие **методы исследования**: общенаучные (гипотетико-дедуктивный и описательный) и лингвистические (сплошной выборки, семантический анализ, этимологический анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, дефиниционный анализ, интерпретативный анализ, анкетирование, анализ ассоциативных реакций ин-

формантов на вербальное обозначение типажа, элементы количественного анализа, интроспекция).

Степень разработанности проблемы. Феномен «юродство» подвергался научному осмыслению как в рамках культурологии (Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Б. А. Успенский, В. Н. Шилов), истории (С. А. Иванов, С. Е. Юрков), философии (Н. Н. Ростова), психологии (Ж.-К. Ларше), богословия (И. Ковалевский, А. Кузнецов, Г. Г. Федотов), литературоведения (Л. К. Антошук, М. М. Бахтин, Е. П. Гурова, И. В. Мотенюайте), так и лингвистики (О. А. Дмитриева, В. Г. Долгов, Е. В. Маслий), однако с позиции моделирования ЛКТ еще не рассматривался.

Методологическую основу исследования составляют научные концепции, разработанные в рамках следующих научных направлений: *языковой личности и лингвоперсонологии* (Н. Ф. Алефиренко, Г. И. Богин, В. В. Виноградов, С. Г. Воркачев, А. А. Ворожбитова, И. Н. Горелов, Т. А. Гридина, Ю. Н. Караулов, В. В. Катермина, В. П. Конечкая, В. В. Красных, В. Д. Лютикова, В. П. Нерознак, Ю. В. Рождественский, К. Ф. Седов, И. В. Сентенберг, О. Б. Сиротинина, Ю. Е. Прохоров, О. Н. Шевченко), *лингвоконцептологии и когнитивной лингвистики* (А. Вежбицкая, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, А. А. Залевская, Н. А. Красавский, М. В. Пименова, З. Д. Попова, А. Н. Приходько, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.); *лингвоэкологии* (А. П. Сковородников, В. И. Шаховский), *теории коммуникации и теории дискурса* (М. М. Бахтин, Н. Д. Арутюнова, В. В. Дементьев, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, О. А. Леонтович); *теории лингвокультурных типажей* (А. В. Асадуллаева, Т. В. Бондаренко, Л. Н. Бровикова, А. В. Валяйбоб, Е. В. Гуляева, В. В. Деревянская, О. А. Дмитриева, Е. А. Елина, Т. А. Ивушкина, А. Ю. Коровина, М. В. Мироненко, И. А. Мурзинова, С. В. Попова, Л. П. Селиверстова, И. В. Щеглова, Е. А. Ярмахова), *фасцинологии* (А. А. Брудный, А. Е. Войскунский, Ю. В. Кнорозов, Н. Л. Мухелишвили, Е. В. Омельченко, И. И. Саленко, А. Ш. Сафаргалина, Ю. А. Шрейдер).

Научная новизна исследования заключается в комплексном моделировании ЛКТ «юродивый», ранее не подвергавшегося анализу с позиций теории лингвокультурных типажей. В исследовании вводится и обосновывается понятие «фасцинативный типаж», уточняются характеристики фасцинативности применительно к различным аспектам типажа «юродивый».

Личным вкладом соискателя являются характеристика феномена «юродство» с позиций теории лингвокультурных типажей и расширение их типологии.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в том, что предложенный подход позволяет расширить поле исследования типизируемой языковой личности. Исследование служит вкладом в развитие идей лингвоэкологии, когнитивной лингвистики, лингвоперсонологии.

Практическая ценность исследования заключается в возможности применения полученных данных в курсах общего языкознания, лексикологии, межкультурной коммуникации, спецкурсах по лингвоконцептологии, лингвокультурологии, социолингвистике, прагмалингвистике, теории лингвокультурных типажей.

Положения, выносимые на защиту:

1. В ряду лингвокультурных типажей выделяется фасцинативный типаж, конститутивным признаком которого является фасцинация – мощное эмоциогенное воздействие на реципиентов (как привлекательное, так и отталкивающее).

2. Релевантными признаками для выделения и описания фасцинативного ЛКТ «юродивый» являются: понятийные (1) человек; 2) христианин; 3) аскет; 4) прорицатель; 5) обличающий несправедливость; 6) кажущийся безумным; 7) святой подвижник); образно-перцептивные (обычно в грязном одеянии с дырами, веригами, с особым взглядом, особой речью, для которой характерно смешение стилей, трудно понимаемой); ценностные (служение, смирение, терпение, послушание, жертвенность, благочестие, сострадание, нестяжание).

3. Фасцинативность ЛКТ «юродивый» выражается в игнорировании норм социального взаимодействия, принятых в обществе (несоблюдение приличий, нарушение коммуникативной дистанции, непристойный внешний вид, эпатажное поведение).

4. Специфика фасцинативного коммуникативного поведения ЛКТ «юродивый» характеризуется непрямой коммуникацией, требующей дополнительных усилий для декодирования сообщения, и проявляется вербально – в нарушении постулатов общения, избыточной коммуникации, неожиданности цитирования Священного Писания, использовании пейоративов и невербально – в кинесике, проксемике, тактильной коммуникации, эксталингвистике (плач, смех, молчание, вздохи, стоны, крик).

5. В русской наивной картине мира ЛКТ «юродивый» соотносится с фольклорным персонажем «Иван-дурак», однако не является его аналогией. Общими чертами служат: 1) парадоксальность речи; 2) образно-перцептивные характеристики; 3) интеллектуальные способности, с разницей в происхождении мудрости: у дурака – волшебная, у юродивого – божественная; 4) упование на Божью волю и помощь; 5) притворность. «Иван-дурак» характеризуется: 1) пассивностью, ленью; 2) спонтанностью; 3) безвольностью. ЛКТ «юродивый» свойственны: 1) аскетизм; 2) преднамеренность действий; 3) жертвенность; 4) святость.

6. ЛКТ «юродивый» в современном русском массовом сознании частично редуцировался до имиджа. Редукция заключается в упрощении ценностной составляющей при полной сохраненности образно-перцептивной со-

ставляющей типажа, что нашло отражение в публицистике, художественной литературе и подтверждается материалами анкетирования.

7. В массовом коммуникативном сознании «юродивый» противопоставлен «лжеюродивому», для последнего характерно отсутствие ценностной доминанты «Христа ради» и внутренней духовной наполненности при наличии внешней атрибутики и типичных коммуникативных проявлений юродства.

Апробация результатов исследования. Основное содержание диссертации докладывалось на Международной конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики» (Екатеринбург, 2014), II Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны» (Санкт-Петербург, 2015), Международной научно-практической конференции «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – IX» (Волгоград, 2015), Всероссийской научно-практической конференции «Новые тенденции в образовании и науке: опыт междисциплинарных исследований» (Ростов-на-Дону, 2014), Всероссийской конференции, посвященной 115-летию со дня рождения профессора И. А. Фигуровского, «Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка» (Елец, 2014), V Трубачёвской соборной встрече «Долгожителство – удел классических произведений науки» (Волгоград, 2013), на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете (2013–2015).

По теме диссертации опубликовано 12 работ общим объемом 6,1 п.л., в том числе 4 статьи – в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **первой главе** «Современные тенденции в изучении типизированной языковой личности» дается краткий обзор подходов к изучению языковой личности в отечественной лингвистике, рассматриваются модели и типологии языковой личности, приводится описание теории лингвокультурных типажей (ЛКТ), основанной на стыке антропоцентрической лингвистики и когнитивной лингвистики, позволяющей с позиции типизации исследовать языковую личность, акцентируя внимание на этнокультурном своеобразии типажа. ЛКТ представляет собой обобщенный образ пред-

ставителя этнокультуры, основанный на стереотипе, узнаваемый по ряду признаков: ценностные приоритеты, коммуникативное вербальное и невербальное поведение.

Будучи концептом, с одной стороны, и языковой личностью, с другой, ЛКТ представляет собой совокупность характеристик, свойственных и концепту, и языковой личности. Соответственно, в составе ЛКТ выделяют четыре характеристики, свойственные концепту (социокультурная, понятийная, образно-перцептивная, ценностная), и аспект коммуникативного поведения, характерного для описания языковой личности.

В реферируемом диссертационном исследовании моделирование ЛКТ «юридический» строится по схеме, предложенной О. А. Дмитриевой (2007): социокультурная справка; дефиниционные характеристики; перцептивно-образные характеристики, включающие в себя следующие пункты: внешность, возраст и гендер, происхождение, место жительства, сфера деятельности, досуг, семейное положение, окружение; ценностные характеристики.

В настоящее время предложена следующая типология типажей: этнокультурные/социокультурные (по признаку принадлежности к тому или иному социуму); фиксированные/дисперсные (по ассоциативному признаку); яркие (модельные личности)/неяркие (по степени выраженности узнаваемых качеств); реальные/фикциональные (по признаку реальности языковой личности); положительные/отрицательные (по признаку оценочного знака) и др. (А. В. Асадуллаева, В. В. Деревянская, О. А. Дмитриева, В. И. Карасик, А. Ю. Коровина, И. А. Мурзинова, И. В. Щеглова и др.).

С учетом разновидностей типажей определена специфика ЛКТ «юридический»: этнокультурный, дисперсный, яркий, реальный, положительный. В качестве системообразующего признака данного типажа выступает фасцинация. Под фасцинацией мы понимаем мощное эмоциогенное воздействие, направленное на реципиентов с целью интенсификации восприятия и освоения информации. Фасциативное воздействие может быть как положительным, так и отрицательным. Осознание фасциативного воздействия как такового позволяет говорить о субъективности восприятия, что дает возможность ввести в типологию типажей антиномию «субъективные/объективные»: к объективным ЛКТ отнесем те, в основе которых лежат фактические сведения (исторические события, географическое положение, социoproфессиональная специфика и пр.), к субъективным – ощущения. Будучи явлением, изучаемым в рамках психологии и биологии, фасцинация подвергалась рассмотрению лингвистами (А. А. Брудным, А. Е. Войскунским, В. И. Карасиком, Е. В. Омельченко, А. Ш. Сафаргалиной) с позиции лингвистики текста. В лингвоперсонологии фасцинация еще не исследовалась.

В рамках аксиологической лингвистики ряд ЛКТ можно объединить и сгруппировать по приемам их фасцинативного воздействия на адресата, иными словами, отдельно выделить фасцинативные типажи (*готесса, психопат, маньяк* и др.), где присутствуют просто фасцинация и фасцинация с элементами сакральности; фасцинативно-сакральные типажи (*юродивый, дервиш, гуру, шаман* и др.), ассоциативно связанные в коммуникативно-массовом сознании со священным, таинственным и мистическим.

В структуре фасцинативных ЛКТ наблюдается совокупность фасцинативных признаков. Учитывая тот факт, что понятийная характеристика состоит из словарных дефиниций и демонстрирует значение лексемы, являющейся номинантом ЛКТ, мы не рассматриваем данный аспект с позиции фасцинации. Социокультурная справка отражает фиксацию типажа в культуре и содержит исторические сведения, следовательно, не содержит фасцинацию.

Что касается образно-перцептивных характеристик, то они содержат фасцинативный потенциал, который воспринимает реципиент посредством различных анализаторов. Иными словами, внешний облик фасцинативного ЛКТ полностью не соответствует привычному, обыденному, принятому в обществе и отраженному в нормах социального взаимодействия.

Коммуникативное поведение фасцинативного ЛКТ также нацелено на ошеломление. В связи с коллизией ценностных доминант ЛКТ (например, аскеза, борьба с гордостью, противостояние злу – у юродивого) и реакцией окружающих на выбранный им образ жизни возникают трудности в декодировании смыслов, заложенных в высказываниях юродивого.

В процессе моделирования ЛКТ «юродивый» использован комплексный подход, проанализированы агиографические, публицистические, художественные тексты, тексты Священного Писания, данные словарей и справочников (всего 2876 контекстов), а также данные опроса респондентов (всего 685 человек).

В качестве информантов выступили студенты разных факультетов ВГСПУ и ЦПУ, учащиеся лицея № 8 «Олимпия», прихожане православных храмов, учителя и врачи, работники учреждений и предприятий г. Волгограда. Анкетирование проводилось в 2013–2014 гг. как в групповой, так и в индивидуальной форме.

Участникам было предложено ответить на вопросы анкеты: 1. *Кто такой юродивый?* 2. *Каким Вы себе представляете юродивого?* 3. *Приведите примеры юродивых (если знаете).* 4. *Ваш пол (муж., жен.).* 5. *Ваш возраст (лет).* 6. *Ваше отношение к Православию (позитивное, негативное, нейтральное).*

Всего было опрошено 685 человек, из них: мужского пола – 257, женского пола – 428. Возрастные группы были распределены следующим об-

разом: группа I (16–25 лет) – 345 человек (из них: муж. – 141, жен. – 204); группа II (26–50 лет) – 218 человек (из них: муж. – 75, жен. – 143); группа III (51–80 лет) – 122 человека (из них: муж. – 41, жен. – 81). Не смогли (полностью или частично) ответить на первые три вопроса анкеты 22% респондентов, соответственно из них: из группы I – 94%, из группы II – 5%, из группы III – 1%. Наибольшее затруднение в ответе на поставленные вопросы наблюдается в группе, относящейся к категории «молодежь». Этот факт свидетельствует о том, что данный типаж не всегда представлен в когнитивной базе данной группы, в отличие от остальных групп респондентов.

Во **второй главе** «Социокультурные и понятийные характеристики лингвокультурного типажа “юродивый”» анализируется место юродства в русской культуре, приводятся понятийные характеристики ЛКТ «юродивый», их трансформация в современном массовом русском сознании и отражение в фольклоре.

Место феномена «юродство» в русской культуре объясняется следующими причинами: с одной стороны, это форма протестного поведения, обусловленная приоритетностью справедливости в миропорядке, т.е. нарушениями справедливости под видом ханжеского соблюдения норм благопристойного поведения; с другой стороны, это доведение до предела идеи противоположности красоты – т.е. уродливого, постыдного, вызывающего поведения. Иными словами, феномен юродства представляет собой карнавалом перевернутое утверждение ключевых ценностей русской культуры – справедливости и красоты.

Юродство Христа ради как особый вид подвижничества возникло в середине IV в. – начале V в. в Египте одновременно с монашеством. Как один из редких видов святости юродство формируется к VI–VII вв. С XIV в. юродство исчезает в Византии и становится всецело русским явлением. Из сорока юродивых, прославленных всей Православной Церковью, лишь шесть жили в Византии, остальные – на Руси.

Юродивые на Руси естественным образом вписались в культурный контекст не случайно. Для России образцом и идеалом, достойным стремления, являлась святость, что отрефлектировано в таком выражении, как «Святая Русь», в отличие от «добрая, старая Англия», «прекрасная Франция», «свободная и демократическая Америка» и т.д. Западная культура, не понимающая юродства, «признает его как отличительную черту национальной самобытности русского человека» [Ильина, 2011, с. 74]. В большинстве европейских языках не существует лексемы «юродивый» (*faible d'esprit* (фр.) – слабоумный, *chiflado* (исп.) – чужак, чудачка, чокнутый, тронутый), но есть описательная конструкция «сумасшедший во Христе» или «сумасшедший ради Христа», которая используется для именованья юродивых в русской культуре (*God's fool*, *holy fool* (*idiot believed to possess*

the gift of prophecy), *fool for Christ's sake* (англ.), *Narr in Christo* (нем.)), либо применяется транслитерация: «yurodivy» [ABBYY Lingvo].

Для выявления понятийных характеристик ЛКТ «юродивый» рассматривались дефиниции лексем, номинирующих моделируемый типаж: *юродивый, юрод, блаженный*.

«Большой толковый словарь русского языка» дает два основных значения слова «юродивый»: «... 1. В православии: обладающий даром пророчества святой подвижник, отвергший все мирские ценности, житейскую мудрость и избравший для себя особый подвиг – бесприютное нищенство. Юродивый Василий босой. 2. Чудаковатый человек; дурак (2 зн.). < Юродивая, -ой; ж.» [БТСРЯ, 2000].

«Современный толковый словарь русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой определяет: «юрод – м. разг. То же, что: юродивый» [СТСРЯ, т. 3, 2006].

Блаженным считается «1. м. разг. 1) Тот, кто несказанно счастлив. 2) Тот, кто ведет аскетический, праведный образ жизни и обладает – по мнению религиозных людей – даром пророчества; юродивый. 3) перен. Тот, кто чудаковат» [Там же, т. 1, 2006].

Традиционно на Руси блаженными именовали юродивых (Василий Блаженный, блаженная Ксения Петербургская, блаженный Прокопий Устюжский, блаженный Паисий Киево-Печерский).

Понятийная характеристика ЛКТ «юродивый» сводится к следующим признакам: 1) человек; 2) христианин; 3) аскет; 4) прорицатель; 5) обличающий несправедливость; 6) кажущийся безумным; 7) святой подвижник.

ЛКТ «юродивый» представляет собой зафиксированное в языковом сознании представление о типовом поведении человека, отличающегося от других в рамках русского социума. Это отличие предполагает соотнесение поведения и привычек такого человека с усредненной нормой и проявление несоответствия: *прорицатель, безумный, душевнобольной, маньяк, идиот, кретин, святой*.

Коммуникативное поведение юродивого, на первый взгляд, позволяет рассматривать его как представителя «смехового мира», наряду с *шутом, скоморохом, клоуном, актером*. Подобный взгляд на ЛКТ «юродивый» не раскрывает сущность данного феномена, подтверждением чему служат сведения, полученные посредством семантического анализа перечисленных лексем, что позволило выделить обобщающий признак – эпатажность.

Примитивизация ЛКТ «юродивый» в современном коммуникативном сознании привела к тому, что в наивной картине мира на первый план вышли образно-перцептивный и коммуникативный аспекты типажа, что вызвало необходимость разграничения таких понятий, как *юродивый, дурак, урод, похаб, глупец*, т.к. рассмотренные лексемы односторонне раскрывают сущностные характеристики типажа, не являясь его номинантами, а представляют собой его оценку.

У В. И. Даля: урод (уродец, уродик, уродища) – выродок, рожденный калекою или не по образу себе подобных, природный каженик, телесно искаженный; выродок нравственный: безумный, юродивый; безнравственный, человек дурных правил или наклонностей, своеобразный, упорный, неужелочный [ТСЖВРЯ, 1909].

Дополним дериватами: Уродивый – юродивый, бессмысленный, не разумный от природы. Уродливый – калечного сложенья тела, искаженного образования, или рожденный с телесным пороком, безобразный, извращенный, искаженный, чудовищный, нелепый, отвратительный. Уродствовать – юродствовать, юродиться, прикинуться глупым, несмысленным или шутлом [Там же].

Появление лексемы «юродствовать» в объяснительном ряду «уродивый, уродствовать» связано с этимологией слова «юродивый». М. Фасмер утверждает, что: «Юродивый от др.-рус. юродивь, начиная с XIV в., до этого – уродивь, т.е. «слабоумный, юродивый»» [ЭСРЯ, 1987]. Лексема «урод» описывается следующим образом: «Урод есть, иже естеством уродится что какво..., а юрод наречется буй и несмыслен» [Иванов, 1994, с. 8]. Следовательно, за притворным безумцем закрепляется обозначение «юродивый», на первый план выходит физический недостаток, тогда как умственные способности отходят на второй план.

Лексема «похаб» означает – муж., церк. юродивый, дурень. Похабный, наглый и бесстыжий в речах, срамо(скверно)словный, ругательский, поносный. Похабить, -бничать, -бствовать, сквернословить, срамословить, мерзостно ругаться и пр. | Похабить что, портить, гадите; портить, баловать ребенка, говорят и похабный [ТСЖВРЯ, 1907]. «Похаб – глупый; жестокий; бесстыдный» [ПЦсС, 1899]. Таким образом, конститутивным признаком лексемы «похаб» является «бесстыдство».

«Глупец – человек, делающий глупости. Глупость – неспособность понимать; недостаток ума. Глупый – неумный, малоумный, дурной, непонятливый, недогадливый, бестолковый, несообразительный, безголовый, без головы» [ИСРЯ, 1995].

Если в бытовом дискурсе глупостью является отказ от земных благ, то в религиозном дискурсе глупость определяется как пренебрежение наставлениями, надежда только на себя, вера лишь в собственные силы, неспособность к исправлению: *Глупый пренебрегает наставлением отца своего; а кто внимает обличениям, тот благоразумен* (Притч. 15:5); *А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке* (Мф. 7:26); *Толки глупого в ступе пестом вместе с зерном, не отделится от него глупость его* (Притч. 27:22); *Кто надеется на себя, тот глуп; а кто ходит в мудрости, тот будет цел* (Притч. 28:26). Значение лексемы «глупец» – «человек лишенный рассудка, ума».

В объяснительном ряду приведенных лексем фигурируют единица «юродивый» и ее дериваты. Лексема «глупец» соотносится с лексемой «юродивый» посредством общего семантического значения «дурак».

Языковая единица «дурак» выступает в качестве номинанта поведения носителя лингвокультуры, которое идет вразрез с установившимися в социуме ожиданиями, получившими фиксацию в стереотипах, таким образом, с позиции лингвоконцептологии является ярким концептом. Согласно мнению Е. В. Бусуриной, выделяющей *мифологическую модель* дурака («добрый, нравственный человек, который награждается удачей и счастьем»); *идейную модель* дурака («обличитель пороков и социальных несправедливостей»); *бытовую модель* дурака («глупый человек»), мы относим юродивого к модели «идейный дурак». Концептуальный персонаж русского фольклора Иван-дурак относится к мифологической модели. Анализ сказок показал, что юродивый соотносится с Иваном-дураком по следующим признакам:

1) парадоксальность речи: *«А что, – думает Иванушка, – ведь у лошади четыре ноги и у стола тоже четыре, так стол-то и сам добежит»* [Народные русские сказки А. И. Афанасьева, с. 195]. Подобные высказывания типичны для юродивых, чья речь характеризуется наличием загадок и кажущейся бессмыслицей: *Анне Беземировой из Каурчиhi, когда та была еще ребенком, он (Алексий Елнатский. – И. Ч.) говорил: – Дай четверть, дай четверть... – Что такое Алексей Иванович говорит?... – смущалась девочка. Объяснилось это через много лет, когда она вышла замуж за пьяницу, который частенько повторял те слова* [Мученик Алексей Елнатский (Ворошин): www];

2) образно-перцептивная характеристика (выражается в антиэстетичности, тяготении к безобразному: в сказке Иван-дурак часто описывается как урод – он лежит на печи, оборванный, грязный, *да еще и сопли по лицу растирает*);

3) интеллектуальные способности (с разницей в происхождении мудрости: у дурака – волшебная, у юродивого – божественная. *Ванюша не хитёр, не мудр, а куда смысловат*);

4) упование на Божью волю и помощь (когда дурак сам себе не в силах помочь, у него остается одна надежда – на помощь Высшей силы (Божественную); он не доверяет ни органам чувств, ни разуму, ни наставлениям старших, ни жизненному опыту, однако исполнен доверия к помощи свыше);

5) притворность (... *на Руси во все века нет суда на дурака*, поэтому притворная и мнимая глупость – своего рода защита от агрессии тех, кто не хочет и не в состоянии принимать правду).

Отличие состоит в том, что Иван-дурак характеризуется пассивностью, спонтанностью, безволием, тогда как для юродивого характерны аскетизм, преднамеренность действий, жертвенность, святость.

Несмотря на широкую узнаваемость, цитируемость и рекуррентность, ЛКТ «юродивый» фактически не зафиксирован в паремиологических текстах. В сборниках пословиц и поговорок русского языка присутствует множество речений, содержащих лексемы «дурак» и «урод», однако мы считаем неправомерным использовать данные тексты в качестве иллюстрации языковой рефлексии ЛКТ «юродивый» в связи с отсутствием контекста, раскрывающего истинное содержание той или иной паремии. В настоящее время нет возможности установить этимологическую связь данных речений с юродивыми. Незначительное количество паремий (*Устами младенцев и юродивых глаголет истина; Убогой, что юродивый – что есть, то и носит; Врать – перед Богом грешить, а правду, как юродивый, говорить, только людей смешить; Юродивый – душа и совесть народа; Сострадай юродивому, презирай лихоимца со здоровым рассудком*), содержащих номинант типажа, позволяет установить характеристику юродивого: *простота, правдивость, совесть, честность*.

В современном русском коммуникативном сознании присутствуют прецедентные феномены, раскрывающие ЛКТ «юродивый». В качестве прецедентного имени выделены три группы языковых единиц: святые (*св. блаж. Ксения Петербургская (25,3%); Василий Блаженный (21,1%); блаж. Марфа Царицынская (8,8%); Андрей Христа ради юродивый (Царьградский) (8,2%); блаж. Матрона Московская (4,6%); Алексей человек Божий (4,6%); Дивеевские юродивые (Пелагея, Параскева и Мария) (4%); Феодосий Кавказский (2,8%)*); литературные герои (*Горбун из Нотр-Дам /Квазимодо) (13,3%); князь Мышкин («Идиот») (1,7%); юродивый из оперы «Борис Годунов» (1,7%); набрали 0,2%: Соня («Преступление и наказание»); Карлик-нос; Алеша (рассказ Н. Агафонова); Лизавета Смердящая («Братья Карамазовы»); Вакула («Вечера на хуторе близ Диканьки»)*); индивидуальные ассоциации (*персонажи из старых русских сказок, исторических фильмов (1,1%); мой класс/одноклассник (1,7%)*); остальные – менее 1%: *литературные герои Достоевского, Чехова, Толстого («Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Детство»); шут у Шекспира («Король лир»); юродивый в к/ф «Царь» (актер – Иван Охлобыстин); шуты при царе; юродивые в Вырице; некоторые политики; юмористы (на эстраде); нищие, калеки, просящие милостыню, попрошайки, пьяницы (оружие аморальные вещи); люди, сжигающие церкви, воруящие иконы; анархисты; были при Иване Грозном/Петре Первом; мужик на картине «Боярыня Морозова», показывающий двуперстие; девушки из «Пуси-*

райт»; главный герой из фильма «Остров»). Имена ЛКТ «юродивый» в большей степени относятся к национально-прецедентным, т.е. они известны среднестатистическому представителю той или иной культуры и входят в национальную когнитивную базу, в отличие от социумно-прецедентных или универсально-прецедентных.

Прецедентные ситуации представлены следующим списком: *скитание по свету; вещание на улице; обличение людей в грехах; молитва; предсказание*. В качестве прецедентных текстов выступают национально-прецедентные (*трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов», роман Ф. М. Достоевского «Идиот», поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»*) и социумно-профессиональные (*Новый Завет, агиографические тексты*).

В **третьей главе** «Перцептивно-образные и ценностные характеристики лингвокультурного типажа “юродивый”» приведены паспорт ЛКТ «юродивый», его ценностные и оценочные характеристики, проанализированы случаи фасцинативного воздействия.

Перцептивно-образная составляющая ЛКТ «юродивый» описана в соответствии с паспортом лингвокультурного типажа:

1) Внешность юродивого направлена на фасцинацию, поскольку она не соответствует принятым в данном социуме нормам и вызывает ярко выраженную реакцию. Анализ материала, полученного при опросе, показал, что в преобладающем большинстве (78%) респонденты указали на отталкивающую внешность. При этом признак «внешность» характеризуется ключевым параметром «неряшливость»: *неряшливый, небрежно выглядящий, не следящий за своим внешним видом, неухоженный, неопрятный, непричесанный; с длинной грязной бородой; полностью отказавшийся от ухода за плотью; не обращает внимания на свой внешний вид, несуразно и неряшливо одетый*. Таким образом, фактически представлен синонимический ряд с доминантой «неряшливый». В качестве сравнения приведем статью из «Словаря синонимов русского языка»: *«неряшливый – выглядящий неопрятно, грязный, затрапезный, затруханый, не поддерживающий чистоту своего жилища, не поддерживающий чистоту своего тела, не поддерживающий чистоту своей одежды, не приведший себя в порядок, не соблюдающий порядка, не соблюдающий чистоты, неаккуратный, небрежный, невнимательный, недобросовестный, неопрятный, неприбранный, нерадивый, нечистоплотный, обабившийся, опустившийся, расхристаный, сделанный кое-как, спустя рукавный, халатный»* [ССРЯ].

Все респонденты едины во мнении и указывают, что внешний облик юродивого не эстетичен, не соотносим с параметром «красота»: *страшный, отталкивающая внешность, некрасив, невзрачный*. Негативное

восприятие юродивого поддерживается и указанием физических недостатков или болезней, а именно: *может быть хромым, с поврежденным позвоночником и т.д.; горбатый, низкого роста, с косоглазием; расслабленный; с уродливой физиономией; прокаженный; карлик; с физическими недостатками.*

Среди немногочисленных положительных характеристик перцептивно-образной составляющей типажа «юродивый» выделяются следующие черты: *приветливый; позитивный; с добрыми и умными глазами; светлый, лучезарный, не всеми познаваемый, не принимаемый по внешнему виду.*

Ряд внешних признаков юродивого ассоциируется в массовом сознании носителей русской лингвокультуры с духовной жизнью и молитвенным служением, приведем примеры: *не такой как все, прозорливый от Бога; внешним видом своим проявляет смирение, уничижение; защищает в себе Христа; добровольно отдавшийся истязаниям во имя Иисуса Христа; принявший аскетический образ жизни; проповедник веры Христовой; обличитель маловерных, утешитель слабых и любящий всех; этот человек оказывается в конечном итоге праведником; молитвенник.*

Согласно проанализированному материалу, социальными символами юродивого являются *вериги и лохмотья.*

2) Традиционно возраст юродивого представляется как *пожилой, старый* (97%). Большая часть респондентов (84%) указала на маскулинный типаж: *Мужчина в ветхой одежде, с нестандартным поведением. Монах в миру, но не давший обетов. Старый, немощный человек. Старый священник. Старец или старица. Подвижник особого рода. Мужчина неопределенного возраста. Преимущественно старый, но, возможно, и молодой человек, старичок или старушка, обросшие, грязные.*

Значимыми в описании являются лексема «старый» и ее дериваты: *старичок, старушка, старец.* Существенный признак – *опытный, бывалый, давно занимающийся какой-л. деятельностью.* Из агиографической литературы известно, что подвиг юродства принимали на себя люди, уже утвердившиеся в духовных подвигах, испытанные в духовной жизни и мудрости. Так, *юродивый Симеон в 30 лет принял иночество, около 30 лет подвизался в пустыне близ Мертвого моря под наблюдением столпов иноческого жития, и лишь в 60-летнем возрасте пошел из пустыни «ругаться миру»* [Ковалевский, с. 78]. Таким образом, ответы респондентов подтверждают факт предварительной подготовленности юродивых к подвигу.

3) Относительно происхождения респонденты (86%) указали на незнатное, тогда как среди прототипов были выходцы как из дворянских

семей, так и купеческих: *Преподобный Симеон, Христа ради юродивый родился около 522 года, в городе Едессе, от благородных и богатых родителей* [Ковалевский, с. 121]; *Родилась Домна Карповна в начале 19 века. Воспитание получила в дворянской семье, и ее благовоспитанность просвечивала даже и во дни юродства. Была образована, что видно из следующего: однажды мимо того села, где находилась Домна Карповна, проезжала одна знатная женщина, и Домна Карповна провела с ней всю ночь, беседуя на иностранном языке* [Безумием мнимым ..., с. 199].

4) Типичное место жительства фасциативного ЛКТ «юродивый» представлено следующими лексемами: *паперть, улица, болото, лес*, и у представителей русской лингвокультуры оно ассоциируется с *лишением, гонением, бродяжничеством* и полным отсутствием комфорта: *Какого-либо определенного места жительства Анна Ивановна не имела. Подобно блаженной Ксении она целый день бродила по городу. Ее часто видели и на Сенной площади, и в Гостином ряду, и в Перинной линии, и в других людных местах* [Там же, с. 42].

Лексический анализ выявляет доминанту *странник* в синонимическом ряду «*бездомный, бродяга, путник, странствующий*» при описании отсутствия определенного места жительства «юродивого».

5) Сфера деятельности ограничивается духовной жизнью (молитва, аскетизм, служение) и ее проявлением (обличение, предсказание, помощь), а именно:

1) Пребывает в молитве: *Пребывающий в постоянной молитве. Плачет и молится за весь мир и отдельных человек, денно и ночью. Творящий всегда молитву, на устах его Имя Христово. Всю свою жизнь отдал на стяжание Духа Святого. Общается с Ангелами. Несет Божье благословение.*

2) Пребывает в служении: *Отрекся от всех мирских благ, избрал путь лишений, отказался от комфорта и привычных для человека условий быта, чтобы служить Богу и помогать людям. Живет не для себя. Альтруист. Отказался от собственного "Я". Показывает (доносит) волю Божию о людях и событиях. Он от Бога данный исправлять духовный мир народа, никого не боясь. Отрекся от своей личной жизни ради улучшения всего общества.*

3) Оказывает помощь: *Помогает всем в меру своих сил; не терпит несправедливости и заступает за слабых. Помогает в ликвидации чего-либо бедственного. Предостерегает от ошибок и падений. Помогает в скорбях и болезнях.*

4) Борется за правду, обличает грех: *(Открыто) обличает в грехах людей. Борец за справедливость (не боясь ничего). Обличает грех и оказывает помощь нуждающимся.*

5) Предсказывает: *Способный предсказывать. Предсказывает и спасает людей. Они знают то, что случится с человеком, им известно о жизни незнакомых, на первый взгляд, людей, поэтому стараются вразумить простых смертных.*

6) Досуг не является релевантным признаком, однако формально представлен, т.к. под видом безделья юродивый намеренно скрывал духовную жизнь: *Любила она (старлица Евфросиния. – И. Ч.) ходить по окрестностям села Колюпанова, но только там, где было потише, да поглуше. С особенным удовольствием и особенно часто старица посещала находящийся приблизительно в расстоянии одной версты от села овраг ... Сюда любила уходить блаженная от людского шума и мирской суеты, чтобы здесь в совершенном уединении умом и сердцем возноситься в царство неприступного света ... в одном из склонов этого оврага на месте своих уединенных подвигов блаженная собственными руками ископала небольшой колодец, и когда больные обращались к ней за помощью, она часто говорила им: «Берите воду из моего колодезя и будете здоровы» [Безумием мнимым ..., с. 222–223].*

7) Семейное положение является конститутивным признаком ЛКТ «юродивый», для юродивого характерно девство и безбрачие: *Возлюбив Господа Иисуса Христа и ради Его желая сохранить девство, она (юродивая Домна Карповна. – И. Ч.) бросила дом своих родственников и, презрев нежность своей юности, обрекла себя на трудный и опасный путь странствований. Как не имеющая никакого вида или свидетельства о личности, она судится за бродяжничество и ссылается в Сибирь. Здесь она явилась уже юродивой [Там же, с. 199].*

Отличительным признаком в описании юродивого является единица *одинокий*, которая имплицитно и эксплицитно присутствует в следующих сочетаниях: *Живет отдельно от людей и не хочет, чтобы люди о нем знали. Одинокий. Отшельник. Предпочел небесное, духовное благо за лучшее и выбравший путь вне социума. Аскет. Ведущий уединенный образ жизни. Отверг своих сродников. Не имеет семьи.*

8) Окружение юродивого определяется его образом жизни и сферой деятельности, фактически окружение – жители того или иного населенного пункта, в котором проживал юродивый: *Бродя целыми днями по грязным, немощным улицам Петербурга, Ксения изредка заходила к своим знакомым, обедала у них, беседовала, а затем снова отправлялась странствовать [Там же, с. 13].*

Фасциативность перцептивно-образной составляющей ЛКТ «юродивый» связана с отталкивающей внешностью, местом жительства, семейным положением.

Жизненные приоритеты ЛКТ «юродивый» характеризуются пренебрежением к витальным и утилитарным ценностям, традиционно занимающим ведущее место в шкале приоритетов современного общества, и представлены следующим образом: *служение, смирение, терпение, самоотвержение, послушание, жертвенность, спасение, любовь, благочестие, сострадание, нестяжание*. Строгие прескриптивы, зафиксированные в христианских заповедях, определяют образ жизни юродивого.

Восприятие фасцинативного ЛКТ «юродивый» в современном массовом сознании носителей русской лингвокультуры амбивалентно и находится в диапазоне от *того, у которого «не все дома»* до человека, *который общается с Ангелами. Несет Божье благословение. Денно и ночью плачет и молится за весь мир и отдельных людей*. Фоновые знания респондентов соотносят образ жизни и поведение юродивого с духовным служением, несмотря на отсутствие уточнения «Христа ради» в имени типажа. В религиозной картине мира ЛКТ «юродивый» причислен к лику святых, что свидетельствует о его положительной оценке.

Оценочная составляющая ЛКТ «юродивый» в произведениях русской агиографической, художественной и публицистической литературы, в интернет-обсуждениях отличается поляричностью с перевесом в сторону положительно маркированных характеристик. Анализ фрагментов, относящихся к различным типам дискурса, в которых был актуализирован типаж «юродивый», выявил следующие оценки: *аскет (302), подвижник (287), провидец (256), святой (234), избранник (182), безумец (143), странный (119), грязный (96)*.

Позитивная оценка связана с восприятием сакральности и помощи, исходящей от юродивого, тогда как негативная – с неприятием внешнего вида, низких умственных способностей, нарушения норм общежития в плане как гигиенических требований, так и коммуникативного поведения.

Фасцинативность ЛКТ «юродивый» вызывает у участников общения следующие реакции: *волнение (позитивное, негативное), шок, любопытство, радость, потрясение, отвращение*, что способствует быстрой и долговременной фиксации в памяти образа юродивого.

В четвертой главе «Коммуникативные характеристики лингвокультурного типажа “юродивый”» моделируется концепт «юродство», характеризующийся набором диагностирующих признаков, среди которых аскеза и самоотречение представляются основополагающими; анализируется коммуникативная характеристика ЛКТ «юродивый», имеющая вербальную и невербальную формы проявления, которые дополняют друг друга и усиливают фасцинативный эффект; моделируется концепт «лжеюродство», представляющий собой антиномию юродства, проводится их сравнительно-сопоставительный анализ.

Юродство представляется концептом и реализуется как тип коммуникативного поведения личности, соответственно, представляет собой актуализацию коммуникативного сознания языковой личности «юродивый».

В русском языке понятие «юродство» толкуется следующим образом: «1). только ед. Намеренное старание казаться юродивым, глупым, безумным; 2). Бессмысленный, безумный, глупый поступок, какой мог бы совершить только юродивый человек. «Бросьте ваши юродства! Говорите без юродства и не начинайте оскорблением домашних ваших» (Достоевский)» [ТСРЯ, 2013]. «1. Поведение, поступки, образ жизни юродивого; юродствование. 2. II ср. 1. Намеренное старание казаться юродивым. 2. разг. Бессмысленный, безумный, нелепый поступок, который мог бы совершить только юродивый» [СТСРЯ, т. 3, 2006].

Ядром концепта «юродство» представляется глупость, граничащая с безумством. Коммуникативное поведение, оцениваемое как юродство, от-refлексировано в русском языке глаголом «юродствовать»: «1. Быть юродивым; вести себя подобно юродивому (1 зн.). 2. Вести себя ненормально, придурковато; совершать бессмысленные, нелепые поступки. Всю жизнь юродствовал. Он болен или юродствует?» [БТСРЯ, 2000]. Соответственно у В. И. Даля: юродство – состоянье юродивого; безумие. Принимать на себя юродство, юродиться, юродствовать, напускать на себя дурь, прикидываться дурачком, как дельвали встарь шуты; || шалить, дурить. Юродить кого, делать юродивым; юродеть, становиться таким, тупеть, глупеть, лишаться рассудка. Юродствование, действие или состоянье по глаг. Юродственное житие. Юрод [муж. род] и юродка [жен. род], дурак, дура отроду, малоумный; || напустивший на себя дурь [ТСЖВРЯ, 1909].

Понятийное содержание рассматриваемого концепта в русском языке можно свести на основании приведенных дефиниций к следующему признаку – намеренное безумное поведение.

Синонимический ряд с доминантой «юродство» представлен следующими языковыми единицами: *юродствовать, сходить с ума, сумасшедствовать, чудить, причудничать, беситься, безумствовать, вести себя безрассудно, поступать безрассудно, шизовать* [СС].

Феномен «юродство» не ограничивается персоналиями святых и житийными источниками. Юродство представляется особым типом поведения, следовательно, те, кто придерживаются данной модели поведения в массовом коммуникативном сознании, соотносятся с категорией «юродивый». В качестве конститутивных признаков лингвокультурного концепта «юродство» мы можем назвать следующие критерии: *осознанность, темпоральность, духовное зрение (прозорливость), антиповедение, обличение.*

Коммуникативное поведение юродивого характеризуется следующими проявлениями: смехом и его формами (хохот, улыбчивость, ласковые шутки); плачем и его видами (слезы, рыдание из-за скорби о грехах), безмолвием и его формами (молчание и молчаливость), криком, которые маркированы фасциативностью и выражаются в непрямой коммуникации.

Смех юродивого не вписывается в правила «карнавального смеха». М. М. Бахтин утверждал, что специальными служителями «смехового мира» были люди, которым позволялось быть смешными, смеяться или смешить других, например: *шуты, скоморохи, балагуры, дураки, юродивые* и др. Сторонники «карнавализации» юродства (Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко и др.) считают, что оно занимает промежуточное положение между смеховым миром и миром церковной культуры, т.е. юродивый находится на грани между смешным и серьезным, исполняет в дидактических целях определенную роль для публики, берет образец со скоморохов и шутов. Несогласие с этой теорией высказывают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, которые полагают, что юродивый прежде всего смеется над злом, грехом и человеческими страстями. Таким образом, согласно теории стратегий и тактик, юродивый выбирает стратегию «смех», тогда как тактикой является «плач». Некоторые исследователи отмечают символичность имени Исаак (например, имя первого русского юродивого – преп. Исаакий Печерский Затворник), которое в переводе с еврейского восходит к идее смеха. Однако осуществлять смеховые действия для мира – не функция юродивого, т.к. его задача заключается в осмеивании мира, *лежащего во зле* (1 Ин. 5: 19).

Коммуникативное поведение ЛКТ «юродивый» также можно рассматривать как антиповедение, формально воспринимаемое как неэкологичное общение, поскольку нарушаются ключевые параметры, базирующиеся на постулатах общения, предложенных Г. П. Грайсом. Однако юродство при детальном анализе коммуникативной ситуации, включающей пресуппозиции, представляется экологичным, поскольку приводит к позитивным изменениям ценностных ориентиров реципиентов: *Участник 1 (юродивый)* при свидетелях называет нелицеприятные поступки *участника 2*. Поскольку в обществе табуируются некоторые темы общения, у *участника 2* резко снижается социальный статус, т.к. становятся известны поступки, связанные с нарушением норм. Адресат может не осознавать свои прегрешения, соответственно указания на них посторонним человеком переживаются довольно интенсивно, что выражается внешне (покраснением кожи лица, выступлением пота), человек физически может почувствовать себя плохо, у него появляется желание скрыться:

Приехала к нему (юродивому. – И. Ч.) однажды замужняя барыня. Как раз перед кельей старца стояла густая толпа. Не желая возвра-

щатся домой, не повидав блаженного, барыня протиснулась сквозь толпу вперед и стала звать:

– Батюшка, благословите! Батюшка, благословите!

– И ты ко мне за благословением приехала?

– К вам, батюшка, к вам... Желаю побеседовать с вами.

– Хорошо, сейчас... Старец пошел в келью и вынес оттуда большую миску щей.

– Держи приполу... Бог благословит. И вылил щи в приподнятый подол... Барыня ужаснулась: на ней было новое шелковое платье!

Но блаженный не дал ей заговорить и перебил ее гневные мысли:

– Мужу ежедневно изменяешь! А ко мне в шелковом платье за благословением приехала? Я тебе задам молодых людей красотой соблазнять! Я тебе задам!.. [Зноско, 2003, с. 115–116].

Приведенный пример иллюстрирует публичное обличение в коммуникативной ситуации при многочисленных свидетелях. Высокий социальный статус барыни понизился. Следует верно оценить перлокутивный эффект данной речевой ситуации. Юродивый намеренно обличает с целью не унижения адресата, а переориентации морали и исправления нравственного облика, ведь согласно христианским заповедям измена является смертным грехом.

Формально публичное оскорбление, побои, производимые юродивым, могут расцениваться как проявление зла. Опираясь на классификацию зла, предложенную философом Ларсом Свендсенем, мы относим «зло» юродивого к категории «зло как средство», когда злодеяние не является целью, а достигаемая посредством этого злодеяния цель направлена на благо [Свендсен, 2008]: *Странно было смотреть, рассказывают очевидцы, как исповедовал блаженный приходящих к нему людей. Он не пытался грехов, как обыкновенно делают духовники, а положив преподобнические руки на главу кающегося и взирая очами на небо, сам перечислял за него все тайные и явные прегрешения. Тут уж, как говорится, не только слезы умиления у грешника потекут, но даже волосы от страха и стыда дыбом станут...* [Там же, с. 102].

К целям коммуникации ЛКТ «юродивый» относятся:

- 1) побуждение реципиента к определенному действию (исправлению);
- 2) передача информации;
- 3) влияние на когнитивную активность адресата;
- 4) изменение эмоционального состояния реципиента (например, смех).

Коммуникативное поведение ЛКТ «юродивый» разрушает принятые в социуме нормы поведения, фасциативно по сути юродивый эпатирует окружающих с целью их нравственного очищения, при этом сам испытывает как физические, так и моральные страдания.

Невербальное поведение ЛКТ «юродивый» также фасциативно, характеризуется следующими проявлениями: *жестикulyацией, мимикой, положением тела, походкой, манерой одеваться, соблюдением интимной зоны, неречевыми вкраплениями*, которые отражают тончайшие оттенки отношений, эмоций и передают информацию, которую по каким-то причинам невозможно выразить словами.

Специфика невербального поведения ЛКТ «юродивый» заключается в следующих формах (перечислим по частотности):

- 1) кинесика (является языком предсказаний и пророчеств);
- 2) сенсорика (чувственное восприятие юродивого вызывает брезгливость/сочувствие; дистанция при общении);
- 3) экстралингвистика (стоны, вздохи, плач, смех, молчание, крики);
- 4) тактильная коммуникация (прикосновения (дружеские) в редких ситуациях воспринимаются как проявление коммуникативного намерения, т.к. у юродивого нет друзей – он одиночка);
- 5) проксемика (определяется личной/публичной зонами юродивого).

Невербальные поступки юродивого заменяют вербальные сообщения, однако раскодировать, понять их конкретный смысл представляется затруднительным.

Будучи субъективным типажом, юродивый противопоставляется лже-юродивому, данная антиномия выражается концептами «юродство» – «лже-юродство».

Дефиниция лексемы *лжеюродство* не представлена в словарях, однако, очевидно, что префиксоид *лже-* (который обозначает *обман или ложь*) полностью трансформирует понятийное ядро концепта *юродство*.

В русской лингвокультуре *лжеюродство* отрефлектировано несколькими лексемами, например: *пустосвятство, ханжество*. По определению словаря В. Даля: «*ханжество* – притворная набожность; *пустосвятство*» [ТСЖВРЯ, 1909] и «*пустосвятство* – набожность внешняя, мнимое, наружное благочестие, голая обрядливость, оказательство, суетность богопочитания; прямое ханжество, лицемерие» [ТСЖВРЯ, 1907].

В указанных дефинициях мы находим полное подтверждение того, что корни *лжеюродства* происходят из формализации богопочитания, а именно: притворства, что приводит к редукции сакральности: ... *Идя же в дом еще более благочестивый он (о. Андрей. – И. Ч.) надевает на себя вериги, зная, что его оставят там ночевать, и устроит так искусно, что непременно кто-нибудь увидит его вериги. Приготовят ему мягкую и чистую постель, но он никак не ляжет на нее, а ляжет на голом полу. «Поспишь здесь на жестком», говорит он, «на том свете уснешь на мягком». На этом же основании он прикидывается вели-*

ким постником и в доме ханжей съедает только два грибка да соленький огурчик [Прыжов, с. 91–92].

Лжеюродство является имиджем по отношению к юродству, т.к. на первый план выступают перцептивно-образные и коммуникативные аспекты типажа, тогда как в ценностных приоритетах отмечается доминирование витальных и утилитарных ценностей: *Ксенофонт Пехорский ... променял труды, хотя тяжелье и неприбыльные, но честные, на легкое и выгодное, но подлое добывание денег юродством. Сметливый мужик понял, как и чем можно действовать на людей. Здоровый человек лет тридцати, он вдруг представился болящим, постящимся, стал ходить босиком с большою палкой в руках, с непокрытою головою, и начал говорить темные речи, вполне уверенный, что на его век станет дураков, которых бы он руководствовал на пути к спасению* [Там же, с. 73].

Формирование имиджа имеет свою стратегическую цель – манипулирование окружающими, в связи с чем лжеюродивый возвышает свой статус посредством различных приемов. В текстах «лжеюродивый» может номинироваться лексемой «пройдоха» – пролаз, проныра, хитрый плут, от которого ничего не уйдет [ТСЖВРЯ, 1907].

Ценностными ориентирами лжеюродивого являются: *выгода, почет, слава, корысть*, тогда как приоритеты истинных юродивых – *смирение, поношение и уничижения, тайный духовный подвиг*.

Коммуникативное поведение лжеюродивых бессодержательно с точки зрения воздействия на ценностные доминанты реципиентов, т.к. оно не базируется на стремлении к святости и копируется лишь внешняя сторона поведения юродивых.

Попав под влияние лжеюродивого, человек слепо следует за ним: *Угас пророк (И. Я. Корейша. – И. Ч.), достойный лучшей доли! ... / Кто будет мило так дурачить вас, как он, / И услаждать ваш слух своею бранью? / Кто будет вас кормить бурдою с табаком / из грязного, вонючего сосуда ... / Того уж нет, к кому полвека напролет / Питали вы в душе благоговень, / И, в слепоте, всему, что сдуру ни соврет, / Давали вы глубокое значенье. / Да, плачьте, бедные, о том, кого уж нет, / Кто дорог был равно для малых и великих; / Но плачьте и о том, что просвещенья свет / Еще не озарил понятий ваших диких!* [Прыжов, с. 36–37].

Оценки поведения юродивого и лжеюродивого в современном массовом сознании совпадают и характеризуются следующими лексемами: *странное, нелепое, эпатажное, ненормальное, нарочитое, неадекватное, чудное, провокационное, непотребное* и др. Однако, если для юродивого пренебрежение общепринятыми нормами поведения является намеренной стратегией для сокрытия нравственного подвига, то в случае с

лжеюродивым следует говорить о формальном характере, обусловленном прагматическим интересом.

Несоответствие ценностных приоритетов, определяющих причину ненормативного поведения юродивого и лжеюродивого, выводит нас на диагностический признак, разграничивающий *юродство* и *лжеюродство*: юродивый живет согласно Заповедям Божиим, а лжеюродивый сознательно пренебрегает ими.

Перспективы исследования мы видим в изучении других фасцинативных типажей, в анализе субъективных лингвокультурных типажей, выделяемых на основании их оценки, в выявлении дискурсивной и жанровой специфики выражения лингвокультурных доминант поведения народа.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных
ВАК Минобрнауки России*

1. Чеботарев, И. Г. Перцептивно-образная характеристика лингвокультурного типажа «юродивый» в современном коммуникативно-массовом сознании / И. Г. Чеботарев // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 675–679 (0,3 п.л.).

2. Чеботарев, И. Г. Фасцинация в структуре лингвокультурного типажа «юродивый» / И. Г. Чеботарев // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2 (44). Ч. I. – С. 201–205 (0,52 п.л.).

3. Чеботарев, И. Г. Ценностные характеристики фасцинативного лингвокультурного типажа «юродивый» / И. Г. Чеботарев // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 2 (44). Ч. II. – С. 208–211 (0,4 п.л.).

4. Чеботарев, И. Г. Концепт «лжеюродство» в свете лингвистических исследований / И. Г. Чеботарев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (96). – С. 145–152 (0,72 п.л.).

Монографии

5. Чеботарев, И. Г. Лингвокультурный концепт «юродство» как тип коммуникативного поведения / О. А. Дмитриева, И. Г. Чеботарев // Современное состояние и перспективные векторы развития филологии, лингвистики, языкознания и коммуникативистики: монография / под науч. ред. О.П. Чиговой. – Новосибирск: Изд-во СибАК, 2014. – С. 52–71 (авт. – 0,55 п.л.).

6. Чеботарев, И. Г. Языковая рефлексия лингвокультурного типажа «юродивый» в русском фольклоре / О. А. Дмитриева, И. Г. Чеботарев //

Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики: монография / З. М. Базарбаева, Л. В. Вдовиченко, А. А. Гарипова и др. – Новосибирск: Изд-во ЦРНС (Центр Развития Научного Сотрудничества), 2014. – С. 47–65 (авт. – 0,65 п.л.).

*Статьи в сборниках научных трудов
и материалов научных конференций*

7. Чеботарев, И. Г. Понятийная составляющая лингвокультурного типажа «юродивый» / И. Г. Чеботарев // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Ч. I. Материалы ежегодной международной конференции. 7 февр. 2014 г. / Урал. гос. пед. ин-т. – Екатеринбург, 2014. – С. 117–124 (0,44 п.л.).

8. Чеботарев, И. Г. Лингвокультурный типаж «юродивый» в зеркале русской культуры / И. Г. Чеботарев // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сб. материалов Всерос. конф., посвящ. 115-летию со дня рожд. проф. И. А. Фигуровского. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2014. – С. 147–154 (0,45 п.л.).

9. Чеботарев, И. Г. Лингвокультурный типаж «юродивый»: социокультурная справка / И. Г. Чеботарев // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 1 (91). – С. 112–115 (0,46 п.л.).

10. Чеботарев, И. Г. Невербальная коммуникация в речевом портрете лингвокультурного типажа «юродивый» / И. Г. Чеботарев // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 1 (91). – С. 116–121 (0,73 п.л.).

11. Чеботарев, И. Г. Феномен прецедентности в структуре лингвокультурного типажа «юродивый» / И. Г. Чеботарев // Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2015. – Ч. 2. – С. 51–55 (0,38 п.л.).

12. Чеботарев, И. Г. Стереотипные представления о фасцинативном типаже «юродивый» в русской лингвокультуре / И. Г. Чеботарев // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 3 (93). – С. 130–133 (0,5 п.л.).

ЧЕБОТАРЕВ Иван Геннадьевич

ФАСЦИНАТИВНЫЙ ТИПАЖ «ЮРОДИВЫЙ»
В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 20.03.15. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27